
Глава 5

В БОРЬБЕ С ЛЕНИНЫМ

Для уставших от войны российских крестьян, рабочих и солдат обещание немедленного мира без аннексий и контрибуций было одним из самых привлекательных аспектов большевистской программы, пользовавшейся большой популярностью в 1917 г. После краха попыток умеренных социалистов организовать летом 1917 г. мирную конференцию в Стокгольме, РСДРП(б) — единственная среди ведущих политических партий России — продолжала выступать за немедленный мир. Стойкая приверженность идеи о том, что кошмару мировой войны нужно как можно скорее положить конец, помогает объяснить, почему в августе 1917 г. к большевикам примкнули такие представители левых меньшевиков, как Давид Рязанов, Соломон Лозовский и Юрий Ларин, а также почему они и лидеры умеренных большевиков, такие как Каменев, не вышли из партии в начале ноября, несмотря на принципиальное расхождение с ленинским большинством ЦК в вопросе о составе правительства.

Один из самых первых декретов, принятых Вторым Всероссийским съездом Советов 26 октября, ленинский Декрет о мире, призвал все воюющие страны прекратить военные действия и немедленно начать мирные переговоры. После того как первые мирные инициативы Советского правительства не нашли позитивного отклика у руководства Антанты, Совнарком вступил в сепаратные переговоры о перемирии и мире с Центральными державами. Эти переговоры начались 20 ноября 1917 г. в городе Брест-Литовске, где на территории оккупированной Польши располагалась ставка германского командования, и два дня спустя (22 ноября) между двумя сторонами было достигнуто соглашение о десятидневном перемирии, впоследствии продленном еще на 28 дней. Было оговорено, что продление

будет осуществляться автоматически, пока одна из сторон не откажется от него, предупредив об этом другую сторону за семь дней. Предполагалось, что за время перемирия стороны согласуют условия постоянного мирного договора.

Близкая перспектива сепаратных мирных переговоров между Советским правительством и Центральными державами вызвала серьезное беспокойство не только среди бывших военных союзников России и отечественных критиков Советской власти, но и в рядах самой большевистской партии. Принято считать, что первыми свою озабоченность на этот счет высказали руководители радикального Московского областного бюро РСДРП(б) (1). Однако схожие настроения возникли одновременно и в Петрограде. 16 ноября на заседании Петербургского комитета партии, которое было посвящено вопросам, связанным с распуском и перевыборами городской думы, отдельные члены комитета выразили беспокойство по поводу предстоящих переговоров с Центральными державами. После того как Слуцкий в сообщении о текущем моменте предположил, что Ленин и Крыленко намерены заключить сепаратный мирный договор с Гинденбургом, представитель Выборгского райкома Виктор Нарчук предупредил, что если партия не выполнит своих обязательств относительно достижения всеобщего мира, она лишится поддержки масс. Впрочем, для большинства участников того заседания мысль о том, что Ленин и Троцкий могут повести себя предательски на переговорах с немцами, выглядела абсурдной. Тем не менее, они зафиксировали свою твердую позицию в вопросе о мире, избрав новую исполнительную комиссию, свой главный руководящий орган, в составе, в котором доминировали яростные противники сепаратного мира — будущие «левые коммунисты» (2).

Озабоченность части петроградских большевиков по поводу того, что цель — достижение «всеобщего пролетарского мира» — может быть искажена в ходе переговоров с Центральными державами, еще более усилилась, когда стало ясно, что Англия и Франция не собираются присоединиться к ним и что советские призывы к европейским рабочим взять миротворческий процесс в свои руки не находит достаточного отклика. Рост этой озабоченности продемонстрировала состоявшаяся 23 ноября встреча членов Петербургского комитета с районными агитаторами, на которую поделиться своими

взглядами на внешнюю политику был приглашен Карл Радек. Выдающийся партийный лидер, известный своим интернационализмом, Радек был убежден, на основании собственного военного опыта в Центральной Европе, что рабочие и солдаты Германской и Австро-Венгерской империй вполне созрели для того, чтобы последовать российскому примеру, и что вся Европа, к тому же, находится накануне решающих революционных потрясений. Его обращение к ПК являло собой страстный призыв к отказу от любых «сделок с капиталистами». Россия указала путь массам во всем мире, заявил он и подчеркнул, что судьбы русской и мировой революции неразделимы. Вступление Советского правительства в сепаратные переговоры с Герmaniей является правильным шагом — постольку, поскольку он сопровождается усиленной кампанией по революционизированию мирового пролетариата, и настолько, насколько безжалостная борьба против соглашателей ведется в самой партии (3).

Большинство присутствовавших на встрече местных руководителей были полностью согласны с мнением Радека о недопустимости сделок с капиталистами. Однако, судя по замечаниям Радека, он априори был уверен, что среди русских войск на фронте найдется значительное количество солдат, способных вести священную революционную войну. Это предположение Радека в последовавшей затем дискуссии оспорил Дмитрий Мануильский (Безработный), который однозначно заявил, что «в России нет возможности дальше воевать». Впрочем, это обстоятельство не вызывало у него беспокойства, поскольку мировая революция, считал он, быстро ликвидирует последствия невыгодного мира. Несколько человек, в том числе Григорий Евдокимов, еще один представитель Выборгского района, и Павел Пахомов из Второго городского района, не разделили пессимизма Мануильского в отношении возможности мобилизации русских солдат и рабочих на революционную войну. Евдокимов полагал, что демобилизация ненадежных элементов и улучшение снабжения оставшихся войск помогут поднять моральный дух армии в случае, если возобновление военных действий станет необходимым. Он подчеркнул, что очень важно открыто говорить о возможности революционной войны, чтобы рабочие, солдаты и матросы были бы готовы к такому повороту событий. Тех же взглядов придерживался и Пахомов, который настаивал, что «если будет необхо-

димость вести революционную войну, то массы поймут». В то же время, коллега Пахомова по Второму городскому району Моисей Харитонов косвенным образом отверг саму идею того, что революционная война может стать необходимостью, заявив, что не представляет себе, чтобы немцы стали бы навязывать невыгодные условия мира.

Хотя официальной резолюции по мирному вопросу на этой встрече принято не было, дискуссия продемонстрировала, что большинство членов ПК и районных активистов Петрограда настроены решительно против сепаратного мира (4).

* * *

Официальные мирные переговоры в Брест-Литовске начались 9 декабря (5). В этот день глава российской делегации Адольф Иоффе еще раз повторил, что Советское правительство твердо привержено идее о мире без аннексий и контрибуций. Затем он изложил главные принципы, на которых, по мнению Советского правительства, должны строиться переговоры. Они включали быстрый вывод иностранных войск со всех оккупированных территорий; восстановление независимости всех стран, утративших ее с 1914 г.; проведение абсолютно свободных референдумов для определения будущей политической судьбы всех подчиненных наций, пожелающих отделиться от тех стран, частью которых они являются. Кроме того, они предусматривали защиту прав национальных меньшинств где бы то ни было и отказ от аннексий и контрибуций в любой форме.

12 декабря ответ на эти требования Советского правительства, от имени Центральных держав, представил граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии. Поначалу его речь внушила оптимизм советской стороне. Чернин заявил, что желание Центральных держав — заключить, как можно скорее, общий, справедливый мир и что принципы, сформулированные Иоффе, включая отказ от аннексий и контрибуций, обеспечивают фундамент для обсуждения условий такого мира. Однако затем он сделал две существенные оговорки, практический смысл которых, по-видимому, ускользнул от внимания Иоффе. Первая объявляла условием принятия совет-

ских принципов принятие их, без лишнего промедления, всеми воюющими странами. Вторая заключалась в том, что принцип самоопределения в отношении подчиненных наций не мог быть принят Центральными державами огульно. Судьбу таких наций каждое государство должно было решать в соответствии с собственной конституцией.

Несмотря на некоторое разочарование, вызванное этими оговорками, Иоффе и его коллеги были довольны тем, что они восприняли как обнадеживающий тон ответа Чернина. Он, как им казалось, не только давал основания для усиления давления снизу на руководство Антанты с целью заставить ее присоединиться к переговорам, но и означал, что Центральные державы готовы вывести свои войска с оккупированных территорий бывшей Российской империи, вне зависимости от действий Антанты. Чтобы избавить советскую сторону от этого заблуждения, Центральные державы два дня спустя (14 декабря) выступили с разъяснениями по поводу статуса оккупированных территорий, в которых еще раз подтвердили, что их обязательство освободить российские территории полностью зависит от симметричности действий Антанты. Более того, они сообщили неожиданную новость о том, что народы оккупированных ими Польши, Литвы и большей части Латвии, основываясь на принципе самоопределения, уже выразили желание отделиться от России (тем самым, практически провозгласив свое намерение превратить эти страны в протектораты).

Телеграмма с сообщением о якобы положительном ответе на озвученные Иоффе революционные принципы заключения мира ушла в Смольный 12 декабря и была всерьез воспринята как сенсационная победа советской делегации. 14 декабря газета «Правда» в заголовке на первой полосе не только сообщила, что немцы приняли российские принципы мирных переговоров и согласились на всеобщий мир без аннексий и контрибуций, но и потребовала, чтобы солдаты Франции, Англии и Италии ответили на эти уступки выступлением против своих правительств.

На состоявшемся поздним вечером того же дня (14 декабря) заседании ВЦИК советские лидеры все еще пребывали в эйфории. Когда Троцкий поднялся на трибуну, чтобы сообщить об успехе переговоров, все встали и приветствовали его продолжительной

овацией, которую он даже не пытался приглушить. Напротив, он дал понять, что разделяет всеобщий восторг по поводу потрясающего успеха революционной дипломатии в Бресте. Германия, возглашал он, приняла «в полной мере... то условие, которое было продиктовано съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Даже враги Советской власти, «еще так недавно предсказывавшие нам, что немецкая дипломатия не захочет даже говорить с нами... эти враги видят в немецком предложении громадный и совершенно неожиданный для них успех нашей политики». Исаак Штейнберг, который обычно выступал с критикой большевиков, на сей раз тоже воздал хвалу их революционному миротворчеству. «За все время нашей революции наша революционная дипломатия сегодня имеет впервые крупный успех... — заявил он. — Невооруженная революция пошла в стан врагов и говорила с ними не только как с равными, но и как с подвластными. Империализм получил роковой удар». Он предложил ВЦИКу принять резолюцию, одобряющую миротворческие усилия Совнаркома, которую все единогласно поддержали. Зиновьев поспешил, чтобы не дать опередить себя, предложил в воскресенье, 17 декабря, провести по всей стране «грандиозные мирные демонстрации» в честь большой победы в Бресте. Его предложение также было принято единогласно (6).

Весть о разъяснениях, с которыми выступил 14 декабря Чернин и которые, по сути, перечеркнули изначально позитивную советскую трактовку позиции Центральных держав, достигла Смольного, вероятно, вечером 16 декабря. В это время в мирных переговорах был объявлен перерыв, и советская делегация находилась на пути из Бреста в Петроград. Прибыв в столицу на следующее утро (17 декабря), она направилась прямиком в Смольный, чтобы выступить с отчетом на утреннем заседании Совнаркома. На заседании присутствовали почти все ведущие члены правительства (7). По протокольным записям трудно судить о содержании отчета делегации. Однако обстоятельный доклад Каменева, с которым тот выступил на расширенном заседании ВЦИК 19 декабря, дает довольно ясное представление о том, что сообщила советская делегация Совнаркому двумя днями раньше (8). Она по-прежнему держалась мнения, что выраженная вначале Центральными державами готовность вести переговоры на основе представленных Иоффе принципов была крупной

победой, несмотря на лицемерие, с которым они, очевидно, собирались эти принципы применять. По поводу будущих экономических отношений, делегация, по-видимому, поделилась впечатлением, что немцы понимают, что каких-то особых выгод и привилегий от сепаратного мира не получат. Однако в важнейшем вопросе об оккупированных российских территориях позиция Германии, несмотря на все усилия советской делегации смягчить ее, оставалась жесткой — особенно это касалось явного намерения немцев манипулировать принципом самоопределения, для того чтобы сохранить контроль над Польшей, Литвой и большей частью Латвии. Как выразился в своем докладе ВЦИКу Каменев, «принцип самоопределения из формулы национального освобождения превратился в руках германцев в вывеску для аннексионистов» (9).

Получив отчет своей делегации, Совнарком запросил, чтобы ему, как можно скорее, доставили точный текст условий германской стороны, а сам, тем временем, продолжил обсуждать их возможные последствия (10). Косвенные свидетельства позволяют предположить, что Каменев и Троцкий выразили сомнение по поводу способности немцев подкрепить свои аннексионистские намерения силой (оба полагали, что любая попытка сделать это приведет к свержению кайзера). Кроме того, эти двое, скорее всего, выразили оптимизм по поводу перспектив сложившейся ситуации — как в плане скорейшего изменения отношения к компромиссному миру со стороны западных союзников, так и в плане развязывания успешной революционной войны в случае, если другие средства не помогут.

Остается только гадать, питал ли Ленин подобные надежды на этом отрезке мирного процесса. Однако, какие бы надежды по поводу эффективности революционной войны ни таил он в душе, они были, безусловно, разбиты во время продолжительной встречи, которую он имел в тот же день (17 декабря), позже, с представителями фронтов, крупных городских гарнизонов и военно-морских сил, прибывших в Петроград на конференцию по демобилизации. Это был как раз момент, когда на юге России наметилась серьезная контрреволюционная угроза, и целые эшелоны красногвардейцев отправлялись из Петрограда на Дон, на подмогу войскам Антонова-Овсеенко (11). Организация социалистической армии еще не началась. Поэтому для Ленина вопрос о боеспособности «старой армии»

имел решающее значение. Он забросал армейских представителей устными вопросами, а также попросил их заполнить письменно опросные листы — все на тему вероятности возобновления наступления германских войск и их продвижения к Петрограду, возможного результата такого развития событий, а также боеспособности российских войск на фронте в случае, если Россия прервет мирные переговоры (12).

Все имеющиеся источники свидетельствуют, что результаты ленинского опроса оказались удручающими. Большинство делегатов ответили, что в случае возобновления военных действий максимум, на что можно будет надеяться, это на организованное отступление русской армии. Однако, даже при самых благоприятных обстоятельствах, утрата артиллерии и эскалация стихийной демобилизации неизбежны. Очевидно было также, что основная масса представителей полагала, что в случае возобновления германского наступления русские войска будут не способны организовать серьезное сопротивление и предотвратить быструю оккупацию Петрограда. В связи с этим, подавляющее большинство военных настаивали, чтобы переговоры в Бресте затягивались как можно дольше, и, если понадобится, чтобы мир был заключен любой ценой (13).

Результаты этого опроса не были преданы тогда широкой огласке. Вместе с тем, лопнувшие надежды на скорейшее заключение мира на российских условиях поставили в затруднительное положение организаторов мирной демонстрации, запланированной ВЦИКом. Уже 15 декабря они начали энергичные приготовления к шествию, продолженные с еще большим рвением на следующий день. Просто отменить выступление было бы политически неловко. Поэтому, учитывая, что в Петрограде в тот момент находилась высокопоставленная германская делегация, было решено произвести на нее впечатление, переключив акцент мероприятия с празднования мира на демонстрацию военной мощи, массовую поддержку советской политики и нетерпимость к врагам революции внутри страны. Так что, пока Совнарком заслушивал пугающий отчет брестской делегации о территориальных амбициях Германии, около шестидесяти тысяч вооруженных солдат Петроградского гарнизона, сотни представителей фабрик и заводов и несколько полковых оркестров прошли колоннами через центр города к Марсову полю, где промаршировали

строем мимо парадной трибуны, заполненной советскими официальными лицами. Транспаранты с мирными лозунгами терялись в море красных флагов и плакатов, славящих Советское правительство и клянущих Учредительное собрание, «врагов народа» всех мастей, «саботажников», «авксентьевых и черновых» и «кадетов-корниловцев» (14).

Учитывая полученные Лениным от военных данные, не было ничего удивительного в том, что именно состояние армии в связи с возможными последствиями германских требований стало главной темой дискуссии на очередном заседании Совнаркома ночью 18/19 декабря (15). На этом заседании Ленин расспрашивал главнокомандующего Крыленко о том, что он и представители солдатских комитетов думают насчет того, пойдут ли российские солдаты воевать, если немцы начнут наступление. Так же, как и военные, которых Ленин опрашивал накануне, Крыленко прямо ответил, что армия утратила свою боеспособность, что она не потерпит задержки с окончанием войны — словом, что, с военной точки зрения, альтернативы принятию мира на любых германских условиях нет (16).

Перед заседанием Ленин просмотрел опросные листы, заполненные военными представителями накануне. Для него лично их ответы явились крайним потрясением. Теперь с ними ознакомили участников заседания Совнаркома (17), среди которых были сотрудники Наркомата военных дел, такие как Николай Подвойский и Павел Дыбенко. Протокол заседания от 18/19 декабря не содержит каких-либо указаний на характер последовавшей дискуссии, однако присутствие нескольких левых эсеров, в том числе Колегаева, Карелина, Штейнберга и Трутовского, а также будущих «левых коммунистов», таких как Коллонтай, Луначарский, Валерий Осинский (В. В. Оболенский) и Урицкий, дает основания полагать, что она была оживленной. В итоге было решено считать результаты ленинского исследования в отношении состояния существующей армии «исчерпывающими». Вместе с тем, была одобрена ленинская резолюция, предусматривающая усиление агитации против германского экспансионаизма, выделение на это дополнительных средств, перемещение мирных переговоров в Стокгольм, затягивание переговоров и препятствование германским попыткам завершить их поскорее, активизацию усилий по восстановлению боеспособности армии,

принятие мер, направленных на предотвращение прорыва германских войск к Петрограду, и начало пропагандистской кампании внутри страны, призванной продемонстрировать необходимость революционной войны (18).

* * *

Несмотря на единогласное признание полной деморализации старой армии, Совнарком все же попытался подготовиться к возможному возобновлению боевых действий. В этой связи Крыленко издал приказ, в котором предупредил своих командиров, чтобы они были готовы к тому, что война может возобновиться. Одновременно он призвал добровольцев вступать в новую, социалистическую армию (19). Однако совершенно определенно не так виделась военная политика Совнаркома Петербургскому комитету большевиков. Он по-прежнему испытывал глубокие опасения по поводу правительственного пораженчества. В этой связи важно отметить, что первыми пунктами повестки дня заседаний ПК 19 и 21 декабря стояли доклады Радека «Западная Европа и мирные переговоры» и «Международное положение» (20). Судя по выступлению Радека перед ПК 23 ноября и его речам и статьям в период между 23 ноября и 19 декабря, не приходится сомневаться, что в этих двух докладах он призывал к жесткости в переговорах в Бресте и, если понадобится, к оказанию сопротивления любой военной угрозе со стороны Германии. Навязчивой идеей Радека в этот период было стремление убедить Советское правительство не совершать никаких действий, способных подорвать революционный процесс в Центральной и Западной Европе. Ясно также, что исполнительная комиссия ПК и большинство самого комитета разделяли позицию Радека, выступавшего решительно против любых сделок с империалистами.

После заседания 21 декабря исполнительная комиссия ПК разработала проект тезисов о мирных переговорах, вынесенных на одобрение комитетом на его очередном заседании 28 декабря. Хотя текст самих тезисов не найден, об их цели и главной идее можно судить по речи Якова Фенигштейна, который, от лица исполнительной комиссии, представил их комитету, и последующей дискуссии.

Фенигштейн сразу пояснил, что исполнительная комиссия решила поставить на голосование вопрос о российской мирной стратегии, потому что убеждена, что такой жизненно важный вопрос нельзя оставлять только в распоряжении правительства, что контроль широких масс и их революционной партии придаст его рассмотрению нужное направление.

Остаток речи Фенигштейна представлял собой сплошную критику того, как ведутся мирные переговоры, и содержал страстный призыв помнить о революционных целях. Германские солдаты, говорил он, не желают воевать. С другой стороны, российские вооруженные силы готовы защищать революцию. Что в такой ситуации должно делать Советское правительство? Для Фенигштейна и для всех его коллег из исполнительной комиссии ответ был очевиден. Какими бы ни были обстоятельства, абсолютно ничто не могло оправдать отступление от революционных принципов. «Каждое отступление от нашей формулы [всеобщего мира без аннексий и контрибуций] будет гибелью политики рабочих и крестьян», — настаивал он. «Нет иного исхода, как борьба за тот мир, о котором мы говорим». «Что нам делать, если мы не придем к определенным решениям в мирной конференции? — вопрошал он и отвечал: Мы должны прервать переговоры». Таким образом, аннексионистские цели германских империалистов будут выставлены напоказ перед всеми народами мира. «Война, которая может явиться следствием такой политики, будет отличаться от всякой другой войны», — продолжал Фенигштейн. «Сознательные рабочие, крестьянские и солдатские массы поймут, что другого исхода нет». «Мы сделали ошибку, когда мы несли в массы надежду на заключение мира обязательно, только бы начались переговоры», — добавил он. «Теперь нам придется проделать огромную идеиную работу в этих массах о невозможности идти на германские условия мира и о возможности революционной войны с нею» (21).

После этого Фенигштейн представил собравшимся тезисы исполнительной комиссии, которые, как становится ясно из последовавшей затем оживленной дискуссии, имели целью поставить ЦК в известность об однозначно отрицательном отношении Петербургского комитета к капитуляции в любой форме. Возможно, самым поразительным в этой дискуссии было то, что все ее участники раз-

деляли тревогу исполнительной комиссии по поводу возможных уступок представителям кайзера. Несколько выступающих от районов значительно менее оптимистично, чем Фенигштейн, оценивали готовность русских солдат и рабочих вести революционную войну. Однако большинство было склонно надеяться на своевременную помощь европейского пролетариата (как Сара Равич и Федор Дингельштедт) или, во всяком случае, оптимистично полагало, что переговоры в Бресте будет возможно затянуть до тех пор, пока не будут созданы более благоприятные условия для революционной войны (как Семен Семков и Моисей Горелик).

Фактически почти все без исключения участники заседания, прямо или косвенно, отвергли возможность компромисса с Центральными державами. Иван Наумов из Выборгского района больше всего опасался того, что бывшие союзники России могут попытаться присоединиться к революционной войне против германского империализма. Вопрос об уместности принятия помощи в такой войне от капиталистических держав уже поднимался другими, и Наумов полагал, что Фенигштейну следовало его затронуть. Также, по-видимому, все были согласны, что срочное вмешательство Петербургского комитета необходимо, чтобы укрепить твердость духа правительства и высшего партийного руководства. Как заметил Станислав Косиор из Нарвского района, «мы имеем основания предполагать, что известные колебания на верхах нашей партии есть». Но ситуация требует решительности: «не мы должны вести теперь оборонительную политику, а мы должны наступать». «Лучше мы удержим хоть что-нибудь, чем потерпим поражение, говорят товарищи [например, Ленин]. Я же думаю, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс» (22).

Но, возможно, самый страстный призыв, от лица традиционно радикального Петербургского комитета, к соблюдению, любой ценой, верности революционным принципам, прозвучал из уст Володарского — пожалуй, наиболее авторитетного и популярного из рядовых членов ПК. Как и Фенигштейн и Косиор, он, по-видимому, понимал, что, с новым витком переговоров, что-то происходит на верху, что держится в секрете от ПК, что внутри правительства существует крайне опасная тенденция принять позорный мир, который выставит большевиков в неприглядном свете перед всем мировым

революционным движением, и что Петербургскому комитету просто необходимо будет вмешаться, чтобы спасти ситуацию, как он не раз делал в решающие моменты в 1917 г.

На сей раз Володарский был удивительно оптимистичен в том, что касалось перспектив сопротивления немцам и подстегивания решающих революций за рубежом. В то же время, он отмечал, что люди объясняют необходимость заключение мира любой ценой экономической разрухой и невозможностью прокормить 11-миллионную армию, и с этим ничего не поделаешь. Однако в ответ он заявлял, что прокормить два-три миллиона солдат совсем не то, что одиннадцать. Большевики разрушили существующий экономический механизм, и если они не смогут его воссоздать, то им все равно крышка, даже без войны. «Легче, конечно, идти на компромисс и через две недели получить мир, — заключил он. — Но к чему он поведет?» (23).

После Володарского выступила Равич, которая не согласилась с его выводом, который, как ей показалось, вытекал из его замечаний — о том, что вести революционную войну будет легко. При этом она сразу же добавила: «Но это не должно нас останавливать». По ее мнению, надежды на выживание революционной России связаны не столько с ее собственными вооруженными силами, сколько с мировым пролетариатом. Тезисы исполнительной комиссии, считала она, были бы очень полезны советской делегации на переговорах в Бресте. Под занавес заседания 28 декабря ПК одобрил тезисы и, после минимальной редакции, передал их в Центральный Комитет. Одновременно ПК рассмотрел вопрос о созыве общероссийской партийной конференции, «чтобы выпрямить политическую линию партии». Однако, после того как Володарский намекнул, что для рассмотрения спорных вопросов уже намечено созвать съезд партии и ведется соответствующая подготовка, вопрос о созыве конференции был временно снят (24).

* * *

В последние дни (24–27 декабря) уходящего, одного из важнейших в российской истории, 1917 года Ленин отдыхал в Финляндии (25). Он вернулся в Петроград 28 декабря, за неделю до открытия Учре-

дительного собрания, убежденный, что революционная война будет означать самоубийство и что нужно принимать аннексионистский мир на германских условиях, причем чем скорее, тем лучше.

Вопрос об эволюции ленинских взглядов на проблему мира является предметом споров историков. Некоторые не только полагают, что Ленин получал от немцев деньги весной и летом 1917 г., но и что Октябрь и даже, возможно, брестское предательство были этапами одного совместного, германо-большевистского, предприятия с целью дестабилизировать Россию и прекратить военные действия на Восточном фронте (26). Если оставить в стороне вопрос о германских дооктябрьских субсидиях большевикам, мой опыт прочтения имеющихся источников приводит меня к выводу, что Ленин пришел к власти, убежденный в том, что если революционной России суждено выжить, ей срочно необходим мир, но эта проблема не слишком волновала его по причине абсолютной уверенности в том, что за Октябрьской революцией в России немедленно последуют решающие социалистические революции за рубежом. Однако в декабре у него появились сомнения в возможности положиться на них и, следовательно, в возможности скорого заключения всеобщего демократического мира. После поездки в Финляндию он совершил один из характерных для него поворотов на 180 градусов, прияя к выводу, что иного выхода, кроме принятия мира на любых предложенных Германией условиях, у большевиков нет. Сцена для самого глубокого за всю историю ленинского руководства Советским государством внутрипартийного кризиса была подготовлена.

К этому моменту на переговорах в Бресте Центральные державы официально объявили, что их прежние трактовки мирных принципов являются недействительными, так как Антанта на них не отреагировала. Затем они представили Троцкому текст договора на подпись. Они даже снабдили его картой, на которой были четко выделены бывшие российские территории, остающиеся по договору под германской оккупацией. Помимо всего прочего, Центральные державы вступили в тайные сепаратные переговоры о мире с Украинской Радой. После нескольких дней безуспешных попыток убедить противоположную сторону сдвинуться с занятой ею жесткой позиции, Троцкий телеграфировал Ленину, что подписывать договор в том виде, который был ему представлен, невозможно, и попросил

разрешения объявить о прекращении войны и начале демобилизации русской армии без подписания мирного договора. В своей телеграмме Троцкий заверил Ленина, что из-за сложной внутриполитической ситуации немцы будут не способны возобновить боевые действия на Восточном фронте, и сообщил, что ждет его решения ответной телеграммой (27). Однако, с ленинской точки зрения, выводы Троцкого были ошибочными. Убежденный в том, что немедленный, приемлемый для Германии, формальный мирный договор является единственным средством предотвращения нового германского наступления и неизбежного краха большевистского проекта в России, Ленин 3 января телеграфировал Троцкому, чтобы тот договорился о перерыве в переговорах и вернулся в Петроград для консультаций (28).

Как только критическая ситуация вокруг Учредительного собрания завершилась, Ленин изложил свои взгляды по поводу абсолютной необходимости срочного заключения мирного договора в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и анексионистского мира» и назначил на 8 января частное совещание с участием примерно шестидесяти трех видных партийных деятелей со всей страны, съехавшихся в Петроград на Третий Всероссийский съезд Советов. В своих тезисах Ленин утверждал, что для того чтобы победить внутренних врагов Советской власти и поставить страну на социалистические рельсы, понадобится время и что социалистические революции в Европе неизбежно произойдут, но когда это случится, предсказать невозможно. (Это было значительным отступлением от его прежней позиции, которую он занимал во время и сразу после Октябрьской революции.) Следовательно, считал он, перед Россией стоит выбор: либо немедленно начать революционную войну, либо подписать сепаратный мирный договор, предусматривающий огромные территориальные потери и значительную денежную контрибуцию.

Аргументация сторонников немедленного развязывания революционной войны, продолжал он, является ошибочной от начала до конца. Вопреки их утверждениям, подписание Советским правительством сепаратного мирного договора не будет ни изменой делу международного социализма, ни нарушением предоктябрьских обязательств, поскольку полученная мирная передышка будет использована для подготовки к революционной войне. Самое важное, как

писал Ленин в «Тезисах», сторонники революционной войны отказываются принять во внимание тот факт, что крестьянская армия на фронте совершенно небоеспособна и что, в любом случае, она не поддержит революционную войну. Между тем, создание социалистической армии, состоящей из рабочих и беднейших крестьян, только началось. Без поддержки социалистических революций в Европе Россия потерпит поражение, а Советская власть падет в считанные недели, после чего Россия будет вынуждена принять еще более унизительный мир, чем тот, что ей предложили сейчас. Революционная война не выбор, утверждал Ленин. Как это ни тяжело, интересы мировой революции диктуют необходимость заключения мира на германских условиях и немедленно (29).

После того как Ленин представил свои «Тезисы», он подвергся огню критики со стороны адвокатов революционной войны, которые к тому времени уже получили название «левые коммунисты». Судя по беглым ленинским заметкам, Ломов и Осинский из Московского областного бюро заняли позиции, аналогичные тем, что были отражены в тезисах ПК от 28 декабря (30). Обосновывая необходимость прекращения переговоров и начала революционной войны, Осинский доказывал, что германские солдаты откажутся воевать против революционной России и что в самой Германии близится восстание против империализма. Варвара Яковлева из Саратова предложила сделать все возможное, для того чтобы разжечь революционный пожар в Европе, и выразила готовность умереть за это под революционными стягами. Уральский выходец Евгений Преображенский заявил, явно со ссылкой на ленинское замечание о военной слабости России, что революция, не способная защитить себя на фронте, уже мертвa; что Французская революция показала, что самое важное в такой ситуации — вера в победу; и что немцы, в любом случае, не смогут атаковать, потому что зимние дороги непроходимы (31).

Троцкий на этом совещании занял промежуточную позицию, отраженную в его телеграмме Ленину из Бреста. Он был согласен с Лениным, что у России нет сил затевать революционную войну. Однако он, как и «левые коммунисты», скептически смотрел на способность немцев возобновить наступление. Поэтому он предлагал просто объявить, что Россия считает войну оконченной, а армию распускает — пусть идет домой строить социализм. В своих мемуа-

рах Троцкий пояснял, что не был уверен тогда, что немцы не способны наступать, но что в этом важно было убедиться до подписания аннексионистского мира; в случае необходимости, Россия успела бы капитулировать после (32). По воспоминаниям одного из участников совещания, Ленин был настолько раздражен беспощадной критикой своих взглядов, что выбежал вон (33). В конце совещания было проведено голосование, в котором «левые коммунисты» одержали уверенную победу над Лениным и Троцким, вместе взятыми (32 участника проголосовали за революционную войну, 16 поддержали Троцкого и только 15 — Ленина) (34).

Члены Петербургского комитета (не говоря уже о Московском областном бюро) были, вне всякого сомнения, воодушевлены результатами голосования. Впрочем, с точки зрения партийных правил, результаты эти ни к чему не обязывали: в перерывах между общенациональными съездами партии решение важнейших вопросов политики страны находилось в компетенции ЦК. Поэтому на заседании ЦК 11 января Ленин предпринял еще одну попытку привлечь партийное руководство на свою сторону. По данным Троцкого, накануне этого заседания он и Ленин достигли договоренности, что если тактика «ни мира, ни войны» будет опробована, но не сработает, он поддержит «немедленный мир» (35). Большинство из присутствовавших на заседании 11 января членов ЦК были участниками совещания 8 января, так что Ленин имел возможность начать с того места, где он закончил тогда. Открывая дискуссию, он повторил главные аргументы своих «Тезисов», касающиеся безнадежности революционной войны и предложения Троцкого, и заявил, что это международное политическое позерство, которое не поможет сдержать германский экспансонизм. Если Советская республика не согласится немедленно принять мир на германских условиях, добавил он, она рискует спровоцировать германское наступление, и тогда ей придется соглашаться на гораздо более тяжкие условия (36).

К разочарованию Ленина, его аргументы встретили в ЦК как минимум такой же прохладный прием, как на более широком форуме партийных представителей тремя днями раньше. Из шестнадцати членов ЦК, присутствовавших на заседании, только три: Артем (Федор Сергеев), Сокольников и Сталин, — встали на сторону Ленина. К тому же, их комментарии, по сравнению с пылкими выступления-

ми «левых коммунистов», выглядели казенными и автоматическими. Тем не менее, пылкость речей ленинских противников не означала, что за время, прошедшее с 8 января, в их взглядах не произошло изменений. 8 января абсолютное большинство из них голосовало за немедленное прекращение мирных переговоров с Германией и объявление всеобщей революционной войны против капитализма. На заседании ЦК три дня спустя даже самые ярые «левые коммунисты» явно склонялись к идеи Троцкого просто выйти из переговоров, не объявляя «ни мира, ни войны», а предварительно потянуть их как можно дольше, с тем чтобы за это время активизировать усилия по укреплению собственных вооруженных сил и международного революционного движения за рубежом.

В ходе дискуссии 11 января Бухарин, признанный лидер «левых коммунистов», прямо заявил, что «позиция тов. Троцкого самая правильная», и добавил: «Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст — мы заинтересованы в том, как это отразится на международном [рабочем] движении». В Вене растет всеобщая забастовка, связанная с переговорами в Бресте, сообщил он; если мир будет подписан, она сорвется. Необходимо использовать любую возможность, чтобы затягивать переговоры и не подписывать позорный мир. Это придаст энергии западноевропейским массам (37). Еще один ярый «левый коммунист», Урицкий, признавая неспособность России в данный момент вести революционную войну, предупреждал, что принятие аннексионистского мира оттолкнет петроградский пролетариат. «Отказываясь от подписания мира, производя демобилизацию армии... мы, конечно, открываем путь немцам, — признал он, — но тогда, несомненно, у народа проснется инстинкт самосохранения и тогда начнется революционная война» (38).

Против ленинского аргумента о том, что мирная передышка позволит провести социальные реформы, выступил Ломов, который считал, что Германия этого не допустит, поскольку, заключая мир, революционная Россия отдается на милость германского империализма. Поэтому, утверждал он, «надо принять позицию тов. Троцкого, но с проявлением максимума активности по организации подготовки к революционной войне». Дзержинский заявил с места, что подписание мирного договора будет означать капитуляцию всей большевистской программы, и обвинил Ленина в том, что тот делает

«в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев», а именно, думает только о России и игнорирует огромное международное значение событий в России. Только Косиор, представлявший на этом заседании Петербургский комитет, продемонстрировал преданность первоначальному требованию «левых эсеров» о немедленном объявлении революционной войны. Опираясь на тезисы ПК от 28 декабря, он заявил, что «Петербургская организация протестует и будет протестовать, пока может, против точки зрения тов. Ленина и считает возможной только позицию революционной войны» (39). Косиор мог не знать, но это было не вполне так. Настроения в некоторых райкомах Петрограда в то время были уже ближе к точке зрения Троцкого, чем к позиции ПК (40).

К концу дискуссии в ЦК 11 января непопулярность ленинской позиции была настолько очевидной, что за нее даже не стали голосовать. За немедленное объявление революционной войны проголосовали двое, против — одиннадцать, один воздержался. Большинством голосов (девять против семи) высшее руководство партии одобрило формулу Троцкого: «ни мира, ни войны» плюс демобилизация армии. Вместе с тем была принята резолюция, предложенная Лениным, о том, что будет сделано все возможное, чтобы затянуть переговоры. «За» проголосовали двенадцать членов ЦК, «против» — один (41). В тот же вечер, по сообщениям газет, бюро левоэсеровской фракции Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦК левых эсеров проголосовали за продолжение войны любыми средствами, если приемлемый мир не будет заключен (42). Однако эта позиция просуществовала недолго. В ночь с 12 на 13 января совместное заседание ЦК большевиков и ЦК левых эсеров большинством голосов отвергло и немедленный мир на германских условиях, и немедленную революционную войну и также выступило в поддержку тактики Троцкого. На какое-то время эта резолюция примирila все стороны. Для Ленина она означала, что когда дальнейшее затягивание переговоров станет невозможно, мир будет подписан, а «левые коммунисты» и левые эсеры восприняли ее как зеленый свет для подготовки революционной войны. Что касается Троцкого, то он получил добро на провозглашение «ни мира, ни войны» и решил для себя, что если Германия и возобновит военные действия, что маловероятно, подписание мира на ее усло-

виях произойдет не раньше, чем возникнет ясность в отношении ее способности организовать успешное наступление и в отношении реакции европейского рабочего класса.

* * *

Докладывая вечером 11 января Третьему Всероссийскому съезду Советов о задачах и достижениях своего правительства, Ленин обошел вопросы, связанные с мирными переговорами (43), оставив их рассмотрение Троцкому. В свою очередь, Троцкий, который выступил 13 января, сосредоточился на перечислении того, что было достигнуто советской делегацией на переговорах в Бресте. Согласно его отчету, вскрыв империалистические замыслы Германии, переговоры подняли революционные процессы в Австрии и Германии на новую высоту (44). О том же говорил в своем дополнении к докладу о событиях в Бресте и их международном значении и Каменев (45). Если судить по опубликованной стенограмме съезда, нигде: ни в докладе Троцкого, ни в дополнении Каменева, ни в официальной резолюции съезда о мире, — не было даже упоминания о тактике «ни мира, ни войны» или о возможности объявления революционной войны. Совместная большевистско-левоэсеровская резолюция о мирной политике, принятая съездом 14 января, одобрила и высоко оценила все заявления и шаги, уже сделанные Советской властью в интересах достижения всеобщего демократического мира; выразила уверенность в том, что революционное рабочее движение в Центральной Европе является лучшей гарантией от империалистического мира; и наказала российской мирной делегации хранить верность мирным принципам, изложенным в программе русской революции (46). Напрашивается вывод, что формула Троцкого «ни мира, ни войны» не была представлена на одобрение съезда, как было рекомендовано центральными комитетами большевиков и левых эсеров, из-за того, что правительство, спохватившись, решило, что обнародование раньше времени российской переговорной тактики может повредить переговорам. Впрочем, это молчание может иметь более сложное объяснение. Некоторые «левые коммунисты», включая руководство Петербургского комитета (47), в то время были убеждены, что резо-

люция, принятая съездом, была намеренно нечетко сформулирована большевистской фракцией, в которой преобладали ленинисты, с тем чтобы окончательное решение о том, подписывать или не подписывать аннексионистский мир, осталось за Лениным и Совнаркомом. Как мы увидим дальше, именно так впоследствии интерпретировали эту резолюцию Ленин и Свердлов (48).

В одном месте своего выступления, возможно, из уважения к Ленину, Троцкий дал понять, что при том, что рабочие представители в Бресте будут продолжать изобличать германское лицемерие, возможность того, что им придется подписать мир с капиталистическими представителями (который явно противоречит интересам рабочих) не может быть полностью исключена (49). В более позднем выступлении перед съездом Зиновьев также затронул возможность того, что Россия будет вынуждена подписать аннексионистский мир. Однако он тут же добавил, что этот мир на деле будет всего лишь перемирием (50). В то время как подобные туманные намеки на возможность принятия Россией аннексионистского мира, без сомнения, способствовали росту опасений «левых коммунистов» и левых эсеров, для остальных они остались непонятыми. Так, несмотря на нелюбовь к большевизму (а дело было неделю с небольшим спустя после распуска Учредительного собрания), даже Мартов, выслушав Троцкого, приветствовал «шаги к заключению всеобщего мира... [которые] являются поразительным по своей смелости и революционности актом, предпринятым творцами всемирной международной революции» (51).

Оценка Мартова, возможно, явилась отражением кратковременного подъема революционного движения в Европе, который, какказалось, был связан именно с российскими миротворческими усилиями. Пока делегаты съезда Советов в Петрограде пытались сформулировать основы революционной мирной политики, последние новости из Вены, Будапешта, Варшавы, Гельсингфорса, Берлина и других крупных европейских городов на мгновение заставили поверить, что страстно ожидаемые решающие социалистические революции на Западе не за горами. Любая новость, даже самая незначительная, о тех или иных признаках революционного возмущения за рубежом восторженно подхватывалась большевистской прессой в Петрограде и доносилась до сведения торжествующих депутатов съезда.

Петроградцев, расхватывающих номера большевистской «Красной газеты» 13 января, встречал крупный, кричащий заголовок:

В АВСТРИИ, В ВЕНГРИИ И В ВАРШАВЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РАБОЧИЕ СОЗДАЮТ СВОИ СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ... ЗАГОРАЕТСЯ ВЕЛИКИЙ ПОЖАР ВО ВСЕМ МИРЕ! (52)

И 17 января:

КОГДА В ОКТЯБРЕ РАБОЧИЕ, СОЛДАТЫ И КРЕСТЬЯНЕ СВЕРГЛИ ВЛАСТЬ ПОМЕЩИКОВ, ФАБРИКАНТОВ И ЗАВОДЧИКОВ, ОНИ ЗНАЛИ ОДНО: БЕЗ РЕВОЛЮЦИИ В ДРУГИХ СТРАНАХ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ НЕ ПОБЕДИТЬ... А МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ РАСТЕТ, ВЕЛИКИЙ МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗГОРАЕТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ... Лишь на днях взоры всего мира были обращены на Австрию, Венгрию и Польшу, где восставший народ потрясал троны царей.

Еще более радостная новость:

В ВЫБОРГЕ, ГЕЛЬСИНГФОРСЕ, ТАММЕРФОРСЕ И РЯДЕ ДРУГИХ ГОРОДОВ ФИНЛЯНДИИ КРАСНАЯ ФИНЛЯНДСКАЯ ГВАРДИЯ НАНОСИТ УДАР ЗА УДАРОМ ФИНСКИМ КАПИТАЛИСТАМ... то же происходит в Южной Франции... и в Англии начинаются громадные стачки... МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЛИЗКА (53).

И, наконец, 19 января появляется самая долгожданная весть:

ТЕЛЕГРАФ ПРИНЕС ИЗВЕСТИЯ О ТОМ, ЧТО РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ НАЧАЛОСЬ И РАЗРАСТАЕТСЯ С МОЛНИЕНОСНОЙ БЫСТРОТОЙ... ПОБЕДОНОСНО ШЕСТВУЕТ ВПЕРЕД МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. И ПОБЕДА ЕЕ, БЕЗУСЛОВНО, БЛИЗКА! (54).

Своего пика эта волна революционного подъема достигла 21 января. В этот день «Красная газета» вышла с заголовком на первой полосе:

ВОССТАНИЕ ТРУДОВЫХ МАСС ВСЕХ НАРОДОВ, ВСЕХ СТРАН, ВСЕХ НАЦИЙ РАЗРАСТАЕТСЯ...

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ БЫЛА СТРАШНО ОДИНОКОЙ...

А ТЕПЕРЬ?

ТЕПЕРЬ ВО ВСЕХ ПОЧТИ СТРАНАХ ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ СИЛА, УДАРИВШАЯ НАШИХ ВРАГОВ В ТЫЛ... БЕЙ ЖЕ СИЛЬНЕЙ, ТАРАН МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ! (55).

Признаки нарастающей революции в Европе породили радостное возбуждение в рядах «левых коммунистов»: их позиция по мирному вопросу, казалось, получила подтверждение. Вдохновения им должны были добавить решение Совнаркома от 15 января о начале формирования «Рабоче-крестьянской Красной армии» и создание при Наркомате по военным делам специальной коллегии для координации усилий по осуществлению этого решения (56). В то же время, рассмотрение вопроса о мире на съезде Советов не давало им забыть о возможности, что Ленину каким-то образом еще может удастся реализовать свой план заключения сепаратного мира с Германией, невзирая на позицию партийного большинства и обнадеживающие события за рубежом. Этого, полагали они, нельзя допустить. 15 января двенадцать наиболее влиятельных «левых коммунистов» подписали заявление с требованием созвать в недельный срок всероссийскую партийную конференцию для вынесения твердого и определенного решения по вопросу о мире. Если мирный договор будет подписан до созыва такой конференции, они покинут свои посты в партии и правительстве (57).

В тот же день (15 января) исполнительная комиссия Петербургского комитета выступила со своим, не менее решительным заявлением. Подписанное Косиором, Глебом Бокилем, Фенигштейном, Равич и Афанасием Плужниковым (все — «левые коммунисты»), оно явилось отражением глубокого недоверия петроградской организации большевиков к ЦК:

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП

Политическая линия, которую сейчас ведет ЦК и которая, как следует заключить из резолюции большевистской фракции съезда, направлена на заключение так называемого «похабного мира», что означает сдачу наших позиций... и несомненную гибель нашей партии как авангарда

революции... Исполнительная комиссия от имени Петербургской организации заявляет самый решительный протест как против определившейся уже в общих чертах основной линии [в мирном вопросе], так и против политики замалчивания и недомолвок даже по отношению к ответственным органам самых больших организаций партии.

Мы имеем все основания утверждать, что подписание «похабного мира» явно противоречит мнению большинства партии... Продолжение мирной политики в том духе, как это намечается теперь... может грозить расколом нашей партии.

Принимая все это во внимание, И[сполнительная] К[омиссия]... требует немедленного созыва... экстренной партийной конференции, которая одна только при создавшихся условиях может решить вопрос о нашей мирной политике (58).

В самом Петербургском комитете продолжительная дискуссия по мирному вопросу состоялась во время встречи с партийными активистами приблизительно 18 января. Одно за другим в течение второй половины января созывались заседания ПК для обсуждения дилеммы «мир или война». На первом из этих заседаний с докладом по главному вопросу выступил Бухарин. Судя по другим его заявлениям и статьям этого периода, в этом докладе он, без сомнения, должен был яростно воспротивиться подписанию аннексионистского мирного договора в Брест-Литовске и, возможно, поддержать тактику «ни мира, ни войны» — и все это в сочетании с призывами к активизации усилий по подготовке к скорой революционной войне. Возможно также, он призвал усилить давление на ЦК с целью добиться поскорее созыва партийной конференции. Однако, судя по его заявлению в ЦК, он неодобрительно относился к скрытой угрозе партийного раскола, сквозившей в декларации исполнительной комиссии ПК от 15 января (59).

Что касается рассмотрения вопроса о мире в ПК около 18 января, оно завершилось принятием (единогласно, при одном воздержавшемся) еще одного комплекта тезисов по мирному вопросу. Эти тезисы, проект которых был написан Бухариным, не касались прямую ни тактики Троцкого «ни мира, ни войны», ни вопроса о немедленной революционной войне. Не содержали они и призыва к обще-

национальной партийной конференции по мирному вопросу. Вместо всего этого, основное внимание в них было сосредоточено на опровержении, с интернационалистической точки зрения и в свете последних международных событий, ленинских аргументов в пользу немедленного заключения сепаратного мира. Переговоры в Брест-Литовске продолжались, и, следовательно, для Бухарина в тот момент это было самым важным.

В тезисах указывалось, что единственным значимым критерием для принятия или отвержения невыгодного, аннексионистского мира является польза для дела пролетарской революции; что в международном пролетарском движении наметился решающий прорыв, которому способствовали мирные переговоры и который надолго будет уничтожен принятием «похабного мира»; что даже поражение революционной России на фронте принесет пользу мировой революции в виде дальнейшего революционирования вооруженных сил противника; что идея о том, что полученная мирная передышка позволит удержать в России Советскую власть, является иллюзией, так как международный империализм нападет на революционную Россию сразу, как только сможет (60).

Вопрос о том, как реагировать на требования созыва партийной конференции, был главным на заседании большевистского ЦК 19 января (1 февраля) (61). Все участники этого заседания признавали серьезность внутрипартийного кризиса, возникшего в связи с вопросом о войне и мире, и были, похоже, решительно настроены не допустить его перерастания в официальный раскол. Впрочем, на этом единодушие кончалось. В самом начале заседания Ленин ясно дал понять, что его правительство, скорее всего, все-таки подпишет договор с Германией на ее условиях и что у него на этот счет есть полномочия, данные ему Третьим Всероссийским съездом Советов (62). Что же касается требований созыва партийной конференции, его позиция, сложившаяся в ходе заседания ЦК, состояла в том, чтобы провести, как можно скорее, еще одно заседание Центрального Комитета совместно с руководителями крупнейших региональных партийных организаций, прибывшими на Третий съезд Советов и еще остававшимися в Петрограде, а в перспективе созвать внеочередной съезд партии. Хотя решение съезда будет обязательным для нового ЦК, избранного там же, на подготовку съезда уйдет, как ми-

нимум, месяц. Поэтому съезд, даже созданный в кратчайшие сроки, не успеет связать Ленину руки в переговорах с немцами.

Сталин, Свердлов, Стасова, Артем и Сокольников, в той или иной форме, выразили поддержку ленинской позиции. Троцкий отсутствовал, так как к тому времени вернулся в Брест. А присутствовавшие «левые коммунисты» отвергли доводы Ленина о полномочиях его правительства на переговорах. Ломов, еще до выступления Ленина, заявил, обосновывая необходимость созыва конференции, что речи Троцкого и, особенно, Зиновьева на съезде Советов заставили многих членов партии подозревать, что сепаратный мир с Германией — дело уже решенное. Поэтому, считал он, необходимо услышать голос всей партии, которого так долго не было слышно (63). Урицкий, выступивший сразу после Ленина, подчеркнул, что точка зрения Троцкого преобладала на съезде Советов и именно ее принял ЦК. Мирной политике большевиков, по единодушному признанию «левых коммунистов», не хватает ясности и стройности, поэтому общепартийная конференция необходима, чтобы привести ее в порядок. На заседании ЦК 19 января эти доводы Бухарин и Ломов подчеркивали с особой силой. Заседание завершилось назначением на 20 февраля (5 марта) экстренного съезда партии и на 21 января — еще одного совещания в ЦК, на котором представители различных мнений в партии по вопросу о мире снова смогут высказаться.

Участники совещания в ЦК 21 января голосовали по десяти вопросам, связанным с переговорами о мире и мирной политикой большевиков вообще. Только пять из четырнадцати участников выступили за немедленное подписание аннексионистского мира (Ленин, Stalin, Муранов, Артем и Сокольников). Значительное большинство, в том числе Ленин, по-видимому, под кратковременным влиянием революционных событий за рубежом (64), проголосовали за затягивание переговоров. Только Иннокентий Стуков считал необходимым прервать переговоры немедленно. Большинство полагало, что подписание аннексионистского мирного договора возможно, если он будет представлен в форме ультиматума. «Нет» на этот вопрос ответили только «левые коммунисты» Осинский и Стуков. Бухарин и Урицкий, похоже, покинули совещание до голосования, но даже если бы они остались и голосовали против, это не повлияло бы на общий результат голосования по этому вопросу. Судя по поставлен-

ным вопросам, можно заключить, что тактика «ни мира, ни войны», которой руководствовался в Бресте Троцкий, предметом споров уже не была. В остальном голосование явилось точной проекцией острых разногласий по мирному вопросу, разделявших в то время партию (65).

Советская делегация прибывает в Брест-Литовск. В центре — Лев Троцкий, в окружении германских офицеров *David King Collection*.

Теперь все, казалось, зависело от революционных событий в Европе и, конечно, от переговоров в Брест-Литовске. Троцкий вернулся в Брест 17 (30) января. Возобновление переговоров совпало с военными успехами большевиков в Финляндии и на Украине, а также с взрывом революционного возмущения в Европе, что, в общей сложности, выглядело как хороший знак для русских. Однако это мимолетно обнадеживающее положение дел длилось недолго. Самое главное, что были подавлены, быстро и жестоко, представлявшие наибольшее значение рабочие стачки и революционные протесты в Германии. Это обстоятельство вернуло Ленина к мысли о необходимости

ности принять германские условия мира и как можно скорее. Последний письменный доклад о состоянии российских войск на фронте и в тыловых гарнизонах, представленный Крыленко Совнаркому, усилил это ленинское убеждение. Между тем, в Бресте Троцкий и его коллеги продолжали тягаться со своими германскими визави. Германский генеральный штаб к тому времени уже начал проявлять нетерпение. В результате дискуссий, которые состоялись во время перерыва в переговорах 23–24 января (4–5 февраля) между германским командованием, с одной стороны, и правительствами Германии и Австро-Венгрии, с другой, последние согласились ускорить подписание сепаратного договора с Украиной и, как только это будет сделано, вручить Троцкому ультиматум — иными словами, свернуть мирную конференцию в Брест-Литовске в недельный срок. Условия ультиматума, который Кюльман должен был представить Троцкому, были таковы: либо Троцкий принимает предложенные ему мирные условия, либо военные действия возобновляются.

Несмотря на то, что умеренные силы в германо-австро-венгерской делегации до последнего момента продолжали спорить, стараясь придать хоть толику легитимности аннексионистским требованиям своих правительств, растущее влияние на переговоры германского генерального штаба в лице генерала Макса Гофмана и, следовательно, невозможность дальнейшего затягивания переговоров стали очевидны российской стороне. 27 января (9 февраля) Центральные державы подписали сепаратный пакт с Украиной. На следующий день, 28 января (10 февраля), — настал момент, который Троцкий предвкушал все это время. В то время как ничего не подозревавшие представители Центральных держав были уверены, что Россия вот-вот капитулирует, Троцкий взорвал свою «бомбу». Он объявил, что Россия, отказываясь формально подписать мирный договор, со своей стороны, считает состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией прекращенным и демобилизует свои войска (66).

Позже в тот же день главные члены делегации Центральных держав собрались на последнее заседание. Все они, за одним серьезным исключением, были склонны оставить Россию в покое. Кюльман и Чернин полагали, что поскольку русские своим заявлением молчаливо признали, что оккупированные территории остаются в руках Германии, то воевать больше не за что. Исключением был

генерал Гофман. Следуя инструкциям своего начальства, он настаивал, что раз цель перемирия с Россией, состоявшая в заключении мирного договора, не достигнута, то, как следует из условий перемирия, боевые действия должны быть возобновлены в семидневный срок (67).

Немцы спорили до поздней ночи, а в это время российская делегация ехала на железнодорожный вокзал, чтобы отбыть в Петроград, уверенная, пусть и не до конца, что для России кошмар мировой войны закончился. Перед самым отправлением Троцкий отбил срочную телеграмму Крыленко в могилевскую ставку с сообщением о том, что произошло, и указанием издать приказы о демобилизации, что Крыленко тут же и сделал. Впрочем, на следующий день, по настоянию Ленина, приказы были объявлены недействительными, но отменить их психологически негативный эффект на и без того безнадежно деморализованную армию было уже невозможно. В самую последнюю минуту, когда российские переговорщики уже садились в поезд, их надежды на мир были упрочены сообщением о том, что германские и австро-венгерские дипломаты прилагают усилия, чтобы убедить военных не прибегать к крайним мерам. Итак, довольно посмеиваясь и расслабившись, члены российской делегации размещались в вагоне и поздравляли друг друга с тем, как они замечательно обвели вокруг пальца германский империализм. Много лет спустя Троцкий вспоминал: «На обратном пути в Петроград мы все находились под впечатлением, что немцы не начнут наступление» (68).

* * *

В конце сентября и в первой половине октября 1917 г. одним из главных аргументов Ленина в пользу немедленного захвата власти было убеждение, что все страны Европы стоят на пороге пролетарских революций и что большевики в России, в силу своего более выгодного положения, могут и обязаны показать им пример. Ждать съезда Советов для отстранения от власти Временного правительства, настаивал он, значит предать дело мировой революции.

В начале декабря 1917 г., когда в Брест-Литовске начались сепаратные переговоры между Германией и Советским правительством,

вом о мире, Ленин все еще верил в то, что решающие социалистические революции в Европе не за горами. Однако к концу месяца ответные революции, в близости которых он был уверен, так и не стали явью. Между тем, полная деморализация русской армии на фронте была налицо, а на Дону началась экспансия контрреволюционных сил. Учитывая все это, Ленин пришел к выводу, что немедленное заключение мира с Германией на ее условиях является абсолютно необходимым для выживания революционной России. К несчастью для него, однако, многие из его ближайших сподвижников в руководящих органах партии — в Петрограде, в Москве и по всей стране — остались преданы его прежним идеям стойкого интернационализма (это было особенно заметно в случае с лидерами Петербургского комитета). Убежденные в том, что заключение сепаратного мира с кайзером отбросит революцию в Германии на долгие годы, что революционная война — дело сложное, но возможное и что русской революции не выжить в одиночку, они («левые коммунисты») решительно отвергли ленинские доводы о необходимости мира любой ценой.

В этой ситуации формула Троцкого «ни мира, ни войны» — тактическая уловка, основанная на предположении, что если революционная Россия просто объявит войну оконченной и демобилизует армию в одностороннем порядке, германское правительство будет не в состоянии заставить свои войска воевать, и война для России действительно закончится — получила широкое признание среди большевиков и левых эсеров. В середине января 1918 г. большинство членов руководства обеих партий (но не Ленин) одобрили ее. После того как породившая надежды волна революционных беспорядков в Европе была подавлена, 28 января (9 февраля) Троцкий огорожил германскую делегацию в Бресте своим заявлением и вернулся в Петроград, оптимистически уверенный, что перехитрил своих противников. Однако все зависело от ответа германской стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Ленин В И Полн. собр. соч. Т.35. С.253.
2. Петербургский комитет РСДРП(б) С.571–576.
3. Там же. С.579–593.

4. Там же С 581–587.

5 Глубокий анализ этих переговоров см. в книге. *Richard K. Debo Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1917–1918*. — Toronto, 1979. Р 45–112.

6 *Keep The Debate* Р 213–217; Протоколы заседаний Исполнительного Комитета Советов р., с., кр. и каз депутатов С.152–155

7. РГАСПИ. Ф.19 Оп 1. Д 28 Л 2

8. *Keep The Debate*. Р 223–239

9 *Ibid.* Р.228; Протоколы заседаний Исполнительного Комитета Советов р., с., кр. и каз депутатов С 164.

10 РГАСПИ. Ф.19. Оп 1. Д 28 Л.2.

11 См выше, глава 2.

12 Кедров М Из красной тетради об Ильиче //Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — М., 1957. Т.2. С.97; *Подвойский Н И* От красной гвардии к красной армии //Историк-марксист. 1938. №1. С.16–34 Текст ленинского опросного листа см. *Ленин В.И.* Полн собр. соч Т.35 С.179–180, 472.

13 См. *Debo. Revolution and Survival*. Р.60; *Городецкий Е.Н* Демобилизация армии в 1917–1918 гг //История СССР. 1958. №1. С.15–19

14. Вечерний час. 1917 18 декабря. С.2.

15 РГАСПИ. Ф.19. Оп.1. Д.29 Л.2.

16. Там же; Ф.5. Оп 1 Д.2424 Л.19; *Симонян М.Н* Его профессия революция: Документальный очерк о жизни и деятельности Н.В. Крыленко. — М., 1985 С.93–94. В 1920-е годы в письме в Истпарт Крыленко указывал, что после той встречи военных представителей он подготовил для Ленина специальный письменный доклад, в котором подчеркнул, что рассчитывать на боеспособность старой армии абсолютно бессмысленно, так как она воспринимает перемирие и начало мирных переговоров как знак того, что война закончилась — Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Седьмой съезд, март 1918 г. — М.–Л., 1928 С.261–262, прим. 48.

17 *Ленин В.И.* Полн собр. соч. Т.35. С.472; *Чубарьян А.О.* Брестский мир. — М., 1964 С.106

18. РГАСПИ. Ф.19 Оп.1. Д.29. Л.28; *Ленин В И* Полн собр. соч. Т 35. С.181.

19. РГАСПИ. Ф 5. Оп.1 Д.2423. Л.19об.

20. Петербургский комитет РСДРП (б). С.607, 608.

21. Там же. С.609–611, 621–622.

22. Там же. С.611–618.

23. Там же. С 615–616.

24. Там же. С 619.

25. Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника. Т.5. С.156–157.

26 См., напр : *Волкогонов Д.И.* Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. — М., 1994. Кн 1 С.197–232; *Richard Pipes. Three 'Whys' of the Russian Revolution*. — New York, 1995. Р 45–46; *Richard Pipes. The Russian Revolution*. — New York, 1994. Р.410–412, 431–438, 612–624; *Richard Pipes, ed. The Unknown Lenin: From The Secret Archive*. — New Haven, 1996 Р 6, 15–16

27 *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т 17. Ч.1 М.–Л , 1926 С.631, прим. 38.

28. *Ленин В И.* Полн собр. соч. Т 35 С.225.

29 Там же. С 243–252

30 Ленинский сборник Т 11. — М., 1929. С 43–44; Седьмой (экстренный) съезд РКП(б), март 1918 г Стенографический отчет. — М., 1962. С.216–218

31 Там же

32. *L Trotsky. My Life.* — New York, 1970. Р 382–383.

- 33 Кедров. Указ соч. С.10.
- 34 Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С.168 См также Смирнов Н.Н. Третий Всероссийский съезд Советов. — Л., 1988. С.98.
35. См. по этому поводу *Debo. Revolution and Survival*. P.79.
36. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С 168–169
- 37 Там же С.169–170.
38. Там же С.170.
39. Там же. С.172. Ленинские заметки об этом заседании см.: В И Ленин. Неизвестные документы, 1891–1922 — М , 1999. С.223–224.
40. Такой сдвиг произошел, например, в Охтинском районном комитете большевиков. — ЦГАИПД Ф 10. Оп.1. Д 11 Л 1об.–2об.
41. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С.173.
42. Петроградское эхо. 1918. 12 января. С.2; Наши ведомости 1918. 13 января. С.2.
43. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С.21–34.
44. Там же. С.48–55; *Троцкий Л.Д. Сочинения*. Т.17. Ч.1. С.53–69.
45. Третий Всероссийский съезд Советов. С.56–58.
46. Там же. С.71, 92–93.
47. См. заявление исполнительной комиссии в: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С.180–183.
- 48 См. ГАРФ. Ф.1235. Оп.18. Д 7. Л.31.
49. Третий Всероссийский съезд Советов. С.52.
50. Там же. С.64.
51. Там же. С.59
52. Красная газета. 1918 13 января. С.1.
- 53 Там же 17 января. С.1.
54. Там же 19 января. С 1.
55. Там же 21 января. С 1
- 56 РГАСПИ. Ф 19. Оп.1. Д 47.
57. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С.181.
58. Там же. С.182–183.
59. Там же. С.176. См. особенно тезисы 5–8.
60. Там же. С.183–184. —
61. Там же. С.174–180.
62. Там же. С.175–176, 283–284, прим. 207.
63. Там же. С.175, 283, прим. 206.
64. См. в этой связи 22-ой тезис, добавленный Лениным к его «Тезисам о войне» 21 января. — Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.251–252.
65. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С.190–191. См. также В.И. Ленин Неизвестные документы. С 225–227.
- 66 *Троцкий Л.Д. Сочинения*. Т.17. Ч.1. С.103–104, *Max Hoffman. War Diaries and Other Papers Trans by Eric Sutton Vol 2* — London, 1939 P 218–219/
67. *Hoffman War Diaries*. — London, 1929. Vol.2. P.219; *John W. Wheeler-Bennet. Brest-Litovsk. The Forgotten Peace, March 1918*. — London, 1963 P.229
68. *Trotsky. My Life*. P.386.